

Аманжолова Дина Ахметжановна*¹,
доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории Российской академии наук, Россия, Москва. 117292, ул. Дм.Ульянова, 19. amanzholova19@mail.ru
ORCID ID 0000-0002-1684-2785

ФЕДЕРАЛИЗАЦИЯ РСФСР – ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. В комплексе проблем, которые ныне активно изучаются российскими и зарубежными историками, смысл, история формирования и значение советской федеративной модели остаются одной из центральных. Наряду с известным внушительным багажом советской исторической литературы на сей счет после 1991 года вышло в свет весьма значительное число трудов, которые по большей части рассматривают эту модель в контексте всех других направлений советской этнонациональной политики. В статье анализируются наиболее значимые наработки отечественных и иностранных ученых, способные уточнить событийный ряд и содержание процесса федеративного строительства в советской России как самой крупной и сложно устроенной союзной республики Советского Союза. Данная проблема рассматривается не только с учетом культурных и национальных аспектов этого процесса, но и в плане выявления особенностей строительства федеративных государственных институтов, отражающих общие интересы всех субъектов. Показано изменение характера рассматриваемого процесса на разных этапах формирования нового федеративного государства, в частности в период Великой Отечественной войны. Также описаны место и значение личностных факторов в развитии данного сложного процесса.

Ключевые слова. СССР, РСФСР, историография, советская этнонациональная политика, федерализм, нациестроительство.

Введение. Как известно, иерархическое устройство СССР составило важнейшую особенность советской государственности, а ее существо, как и последствия федерализации бывшей империи, обусловили не только безусловные достижения модернизации для всех народов страны, но и основные риски политизации этничности вплоть до конца 1991 г. При этом форматирование политической системы в 1920-е гг. стало фундаментом последующего развития. Особенно сложным и противоречивым было устройство РСФСР, в составе которой объединялось наибольшее число народов бывшей империи. Если формирование союзных республик опиралось на политическое самоопределение коренного населения, почти в каждой из них представлявшего большинство, то в автономиях России (республиках, областях, округах) этническая пестрота населения была гораздо сильнее, что порождало в том числе и проблемы в определении их административных границ, призванных в трудно достижимом на практике идеале максимально объединить титульные народы.

Переплетение военно-политических, социально-экономических, культурных факторов в ходе федерализации и нациестроительства по-разному проявлялось и сказывалось в отдельных регионах, что не отменяет общей направленности, сходства управленческих приемов, моделей поведения этноэлит и результатов этнонациональной политики. В современной историографии собственно федеративное строительство в РСФСР не является центром изысканий. Основные интересы историков нацелены на

создание отдельных национально-государственных единиц (прежде всего этим занимаются ученые того или иного субъекта РФ), что, безусловно, дополняет и обогащает общую картину формирования РСФСР. Одно из центральных мест занимают также взаимоотношения центра и этнополитических элит (хотя они в том числе включали вопросы федерализации), прежде всего в конфликтном ключе. Политические репрессии 1930-х гг. в связи с этим освещаются достаточно подробно, составляя важную часть общего тренда на травматизацию исторической памяти общества. Коренизация как инструмент нациестроительства, культура, образование, традиции, положение этноконфессиональных общностей также входят в круг часто освещаемых вопросов, нередко ограниченных периодом 1920-1930-х гг., когда происходили наиболее радикальные трансформации в советском модернизационном процессе культурно сложного социума.

Материалы и методы исследований включают данные современной историографии и источниковедения, анализ которых осуществляется на основе принципов системности, комплексности, историзма, хронологического и проблемного подходов.

Результаты и их обсуждение. Богатство фактических материалов и полезных выводов заключают в себе наработки отечественных историков и публикации последних лет, особенно по итогам работы конференций и в тематических номерах или рубриках ведущих российских журналов. Остановимся на конкретных примерах. Создание национально-государственного образования того или иного уровня в федеративной иерархии РСФСР служило фундаментом для укрепления этноидентичности и обеспечения быстрого развития титульных народов. Не случайно А.Г. Галлямова, к примеру, признает: «Для общественно-культурной истории Татарстана основополагающим является факт обретения в 1920 г. татарским народом государственности в виде Татарской Автономной Советской Социалистической Республики, с учреждением которой само слово «татары» в общественном лексиконе обрело легитимное звучание». Говоря о развитии культуры, языка, коренизации, она отмечает: «Стратегически это служило мощным социальным лифтом для вертикальной мобильности татар, благодаря которому в общественной и политической жизни республики ярко проявилась татарская доминанта» [1, с.191]. Ф.Ф. Марданова обращает внимание на роль управленческих структур в автономии, указывая, что это была весьма сложная и разветвленная система управленческих структур в сфере культуры, охватывающая все ее отрасли на всех административных уровнях с жесткой вертикалью подчинения центру [2, с. 204].

Значительное место в историографии становления автономий РСФСР занимает освещение всевозможных деталей и коллизий, связанных с определением их административно-территориальных границ. Решение этой задачи представляло значительную практическую трудность практически во всех случаях, поскольку и титульное население той или иной единицы, и представители других национальностей на территории будущей самоопределившейся автономии издавна проживали совместно. Как правило, этнополитическая элита, отстаивая присоединение того или иного участка, волости, уезда и пр., приводила аргументы в пользу национального самоопределения и численности той или другой этнической группы, классового подхода, международного значения, особенно при наличии государственной границы. Но не менее существенную роль играли обстоятельства, связанные с привязкой транспортной инфраструктуры, доходных предприятий, пахотных угодий или водных ресурсов и т.д., обеспечивающих жизнедеятельность субъекта федерации. Впрочем, не менее важными эти факторы были и для соседних «русских» губерний и областей.

Подробный разбор такой ситуации на примере Казахской АССР провел К.Б. Корженевский[3]. Фактический материал подтверждает: обеспечить целостность, устойчивость и управляемость огромной страны можно было, лишь добившись баланса централизованных и регионалистских/автономистских/обособляющих усилий, учета в процессе районирования как исторически сложившейся и формировавшейся в ходе экономической модернизации специализации, так и столь же необходимой хозяйственной интеграции, компромисса между представлениями политического центра и носителей власти в национальных образованиях о способах, функциональном наполнении, гражданских и этносоциальных ориентирах государственного строительства. Стабилизация административного формата страны в целом к концу 1930-х гг. была органически связана со всем комплексом кардинальных преобразований в стране. К тому же централизация управления и усиление вертикали власти обуславливались не только репрессиями и установлением единовластия Сталина, но и жесткой необходимостью подготовки к войне и консолидации всех ресурсов, том числе бюджетных, а также потребностью в работоспособной системе управления и взаимодействия между его разными звеньями и уровнями по вертикали и горизонтали. Руководители практически всех национально-государственных единиц не воспринимали свою активность как непримиримое противостояние, ограничиваясь декларациями о верности принципам самоопределения и легитимными средствами воздействия на Москву в пользу расширения собственных полномочий, перераспределения бюджета и дополнительных ассигнований, что укрепляло их авторитет как подлинных защитников национальных интересов в глазах местных сообществ. В том или ином виде на каждом из этапов территориальных реорганизаций юридически оформленный и негласный компромисс «централизаторов» и регионалов, в том числе национальных, достигался и поддерживался обеими сторонами. Об этом свидетельствует и фактический материал. Опыт административно-территориальных трансформаций и национально-государственного размежевания содержит важные примеры не только противостояния центра и этноэлит, но и их гибкой настройки, взаимной адаптации для обеспечения устойчивости всего государства и работоспособности системы управления. Именно советский способ институционализации субъектов федерации стал решающим в формировании современных наций на евразийском пространстве бывшей Российской империи. Подобные материалы наполняют федеративный облик советской России конкретным содержанием, которое, в частности, показывает институциональный смысл этнополитических структур РСФСР в системе комплексных преобразований.

Персонализация истории советского нацистроительства, как подтверждают публикации о конкретных национальных деятелях и судьбе определенных этнокультурных и этнополитических групп, является распространенным способом не только для прямой реконструкции посредством «очеловечивания» проблемного поля этнонациональной политики в СССР. Н.И. Бурнашева и В.Б. Игнатьева[4, с. 63-77] осветили роль якутского большевика М.К. Аммосова в становлении советских автономий – Якутии, Киргизии и Казахстана. История политических репрессий, которые трагически отразились в судьбе национальных элит, в т.ч. Аммосова, сегодня не находится на первом месте в изучении российскими учеными советской этнонациональной политики, тогда как в бывших союзных республиках эта тема по-прежнему остается важной частью идеологического обеспечения современного нацистроительства. Отечественные историки уточняют политический смысл и детали реализации карательного механизма. Специфика политических репрессий в сфере народного образования в 1930-е гг. рассматривается историками разных республик. Р.З. Алмаев выделил характерные для всей страны цели и приемы репрессивного механизма

в 1937-1938 гг., когда смена управленческого аппарата и т.н. «буржуазных специалистов» на советских достигла апогея. Обвинение в «местном мелкобуржуазном/буржуазном национализме» стало основным в отношении этнополитических элит, а реализация репрессивной политики была связана с конкретными обстоятельствами и персонажами, региональными коллизиями внутриаппаратной борьбы. Важным представляется замечание о незавершенной дискуссии историков по поводу роли и ответственности Центра и самих местных национальных кадров в развязывании насильственной чистки, охватившей не только бюрократию, но и самые разные слои и группы общества[5]. Было бы важно уточнить, как смена групп и поколений этнополитической элиты влияла на систему управления, взаимоотношения разноуровневых структур в ходе административно-территориальных изменений, взаимодействие органов власти и управления соседних регионов.

Через нюансировку вариаций кадровой политики, внутриинституциональных и межэтнических коллизий становления и функционирования федеративного государства такой подход расширяет возможности для понимания механики политического организма и существа социальной инженерии для тех или иных этносоциальных групп. Ко всему прочему, такие исследования по разным периодам советской истории показывают протяженность и сходство проблематики, связанной с формированием элит, которое было важным компонентом национальной политики. Разнообразные точки зрения и данные о реализации и значении советской национальной политики на примере разных автономий и других этнополитических единиц излагают в том числе участники одной из конференций[6]. Сопоставление аналитических материалов выявляет объединяющие тенденции, мотивы, стимулы, механику функционирования и взаимодействия управленческих институций, способы регулирования конфликтных ситуаций со стороны союзного центра и участников нациестроительства на местах. Т.н. группировки 1920-х гг. в руководстве национальных республик, автономий, округов, ставшие серьезным испытанием для налаживания работы государственного организма, приобрели иные формы в последующие 10-летия, но играли не меньшую роль в судьбе страны. Типичный пример борьбы за власть на примере конфликта в руководстве Бурят-Монгольского обкома партии в 1925 году подробно охарактеризовала Т.И. Морозова[7]. Подобного рода конфликты всегда приобретали этносоциальный и этнокультурный оборот, поскольку национальное самоопределение предопределило коренизацию в условиях острейшего дефицита специалистов, представлявших титульные народы. Целеустремленное следование декларируемым властью принципам этнонациональной политики поощряло властные амбиции элит, что в конечном счете оказалось одним из разрушительных пороков федеративной советской государственности.

Особенно выпукло многогранную, кажущуюся мозаичной палитру советского нациестроительства представляет широкий политико-географический контекст, раскрывающий не только пестроту событийного ряда, но и вполне определенные общие черты и закономерности. В.Н. Круглов исследовал опыт реорганизации территориального устройства во всероссийском масштабе, выделив в период сталинизма три периода: территориальных экспериментов (1917-1933) и управленческого прагматизма (1934-1957) [8]. Он увязывает экономическое районирование и создание национально-государственных единиц, что раздвигает не только территориальные, но и смысловые рамки изучения эффектов и результатов нациестроительства и федерализма, тесно связанных с экономическим развитием страны, межрегиональными связями и зависимостями, в т.ч. организационно-управленческими, определением границ субъектов федерации, ролью местных руководителей в организации жизни территорий и государства в целом.

В последние годы выросло внимание исследователей к «неполитическим» сторонам жизнедеятельности многонационального общества. При этом обнаруживается, что стремление власти контролировать все без исключения вопросы развития таких сфер обнажало как стандартизацию управленческих приемов, призванных упорядочивать разнообразие социокультурных практик, так и пластичность последних в качестве носителей и хранителей основ этничности и ее инновационных механизмов функционирования. Анализ многомерности и противоречивости этих процессов в их локальном воплощении весьма полезен и в познавательном плане, и для обобщений на основе современных методологических подходов. А. Каппелер верно заметил: «Злоупотребление терминами «колониализм» и «империализм» применительно к России и Советскому Союзу, свойственное, в частности, американской историографии, не столько объясняет ситуацию, сколько затрудняет ее понимание» [9, с. 271].

Особого внимания заслуживает Победа советского народа в Великой Отечественной войне. Как стало очевидно в новых, имеющих мировые последствия, исторических обстоятельствах, подвиг народов СССР, консолидированных в советскую поликультурную гражданскую общность, имеет непреходящее историческое значение и приобрел ныне новые важнейшие смыслы вследствие возрождения нацистской идеологии и практики, выражающейся в неприкрытой русофобии на Западе. Патриотизм, интернационализм и советскость как безусловные факторы Победы, были тесно взаимосвязаны в своих проявлениях и степени влияния на ход и итоги Великой Отечественной и второй мировой войны. Великая Отечественная война стала особым этапом, когда через Красную армию прошли миллионы граждан всех национальностей. Общий военный опыт в экстремальных обстоятельствах кросс-культурных коммуникаций являлся важным фактором межэтнической интеграции. Политическое и географическое пространство объединялось в образе советской Родины, включавшем этническое разнообразие. Война послужила самым сильным индикатором, «провокатором» для проявления и испытания нравственной и гражданской зрелости людей, приоритетов их ценностных ориентиров.

Как констатировали ученые, советский народ встретил войну «сложным, неоднородным по своему отношению к действительности, к идеалам, пропагандируемым сверху. В этой сложной ситуации люди сохранили традиционные духовные и моральные ценности: веру, любовь к родной земле, чувство национальной гордости и независимости» [10, с. 45]. В данном контексте весьма ценными являются наработки А.Ю. Безугольного об интернациональном составе Красной армии. Он выявил и ввел в научный оборот комплекс учетно-статистических материалов центральных организационно-мобилизационных учреждений Наркомата обороны СССР, что позволило впервые с помощью количественных методов, системно, а не на основе случайно выбранных статсведений из разных источников, проанализировать этнонациональный аспект истории Красной армии в годы Великой Отечественной войны. В частности, ученый показал, что основная нагрузка в первый период войны легла в основном на плечи русского народа, чье абсолютное и удельное представительство в войсках резко выросло. Показано, что важным источником для пополнения рядов действующей армии, особенно в 1942–1943 гг., становятся республики Закавказья и Средней Азии, но формирование частей и привлечение представителей народов из них имело важную конкретную и динамично меняющуюся специфику. Так, если у закавказских народов пиковые значения комплектования армии пришлось на первый период войны, то у среднеазиатских – на второй. В последний период войны в рядах РККА росла абсолютная и относительная численность украинцев, а также проживавших в западных областях СССР белорусов, молдаван, латышей,

литовцев и эстонцев, хотя их удельный вес был не столь велик. Приводятся данные и по другим группам народов (тюркские, финно-угорские, прибалтийские, евреи). Автор делает глубоко обоснованный вывод, что изменения стратегической ситуации на советско-германском фронте напрямую влияли на этнические акценты в комплектовании РККА. Постоянной оставалась лишь роль станового хребта Красной армии, которую выполнял русский народ, испытывавший демографическую перегрузку в течение всей войны [11].

СССР, как свидетельствует драматический и героический опыт Великой Отечественной войны, обеспечил полноценную субъектность в мире и реализовал концепт нации-государства при многонациональном содержании как неизбежной данности. Разумеется, это не могло не породить множество противоречий и рисков – нациестроительство для всех народов потребовалось совместить с формированием нового гражданства, получившего консолидирующее определение «советский народ». Негомогенность, культурная сложность и адаптивность моделей поведения разных социально-демографических групп и этнических общностей в советском народе как динамичной целостности есть проявление нормальности, если не пытаться исходить из неких якобы заданных большевиками параметров создания централизованной, вертикально организованной и идеологически монолитной общности. Даже если бы изначальный проект подразумевал нечто подобное, власть быстро усвоила невозможность игнорировать реальные противоречия и необходимость определенного баланса разных факторов. К тому же категория «советский народ», как и «советскость», «советское» остаются одними из наиболее дискутируемых, а их интерпретация приобретает значимые смыслы в контексте осмысления цивилизационных основ России.

Межэтнические культурные, социальные и экономические связи советских республик в целом в контексте советской этнонациональной политики могут стать важным предметом изучения, особенно в связи с потребностью критического анализа «деколониального» дискурса зарубежной историографии. Представляется весьма актуальным исследование социально-экономических связей и взаимодействия национально-государственных и административно-территориальных единиц РСФСР как между собой, так и в контексте организующей и координирующей роли общесоюзных институтов.

Заключение. Проблематизация названных и иных вопросов истории советской этнонациональной политики – сложная задача, решение которой связано с усилиями исследователей, научных структур и коллективов периодических изданий. Их объединение вряд ли возможно в организационном отношении, меж тем дальнейшее развертывание научных поисков и дискуссий на платформе специализированных журналов, дающих возможность творческого обмена новым знанием, остается одним из наиболее перспективных путей. Обзор некоторых новейших приобретений российской историографии показывает, что основные усилия ученых направлены на более глубокое погружение и исследование коллизий формирования федерации (от союзных республик до национальных сельсоветов как символов самоопределения меньшинств), перехода народов страны от традиции к модерности во всех областях социального пространства и нациестроительства как процесса такого перехода, взаимоотношений центра и регионов, в том числе руководства страны и этнополитических элит, культурных трансформаций в этносоциальной сфере с включением в круг изучения истории повседневности, движение от анализа политики в отношении женщин в этнокультурном контексте к расширению такой тематики в качестве гендерной. Умножение локализованных хронологически и географически описаний и реконструкции событий дает возможность выходить на обобщения, объясняющие исторические риски, адаптивные свойства и интегративные

эффекты государственного устройства культурно сложного российского общества, его цивилизационный смысл и перспективы[12]. Это предполагает комплексную оценку эффективности политического инструментария, который обеспечивал баланс между разнонаправленными тенденциями централизма (унитаризма) и федерализма, а также модернизацию традиционных культур и конструирование наций в условиях советской идеологизированности, динамику и специфику организационно-политических и социокультурных практик консолидации советского социума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Галлямова, А.Г. Татарская культура в советский период: проблемы социо-, формо-, этногенеза [Текст] / А.Г. Галлямова // Социальное и национальное в советской культуре: к 65-летию Декады татарского искусства и литературы в Москве: сборник статей по материалам Международной научной конференции (г. Казань, 27–28 октября 2022 г.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. С. 189-198.

2 Марданова, Ф.Ф. Государственные органы управления культурой в Татарской АССР в 1920-1930-е гг. [Текст] / Ф.Ф. Марданова // Социальное и национальное в советской культуре: к 65-летию Декады татарского искусства и литературы в Москве: сборник статей по материалам Международной научной конференции (г. Казань, 27–28 октября 2022 г.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. С. 198-215.

3 Корженевский, К.Б. Национально-территориальное размежевание между Сибирью и Казахстаном в 1917–1936 гг. [Текст] / К.Б. Корженевский // Дисс. к.и.н. Нижневартовск, 2022. 288 с.

4 Бурнашева, Н.И., Игнатъева, В.Б., М.К. Аммосов: из плеяды национальных лидеров раннесоветской эпохи [Текст] / Н.И. Бурнашева, В.Б. Игнатъева, // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Том 19. № 1. С. 63-77. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-63-77>

5 Алмаев, Р.З. Судьбы деятелей просвещения Башкирской АССР в годы борьбы с «буржуазным национализмом» (1937-1938 гг.) [Текст] / Р.З. Алмаев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Том 19. № 1. С. 95-118. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-95-118>

6 Ноябрьские историко-архивные чтения – 2021 г. [Текст] // Материалы Международной научно-практической конференции «Национальная политика и миграционные процессы в Советском Союзе. Пермь, 2022.

7 Морозова, Т.И. Конфликт в Бурят-Монгольском обкоме РКП(б): формальные и неформальные практики борьбы за власть (март – ноябрь 1925 г.) [Текст] / Т.И. Морозова // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 142–153. DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2019-18-8-112-125>

8 Круглов, В.Н. Организация территории России в 1917-2007 гг.: идеи, практика, результаты. [Текст] / В.Н. Круглов // М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 480 с.

9 Каппелер, А. «Россия — многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги [Текст] / А. Каппелер // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 265-282.

10 Безугольный, А.Ю. Этнический аспект комплектования Красной армии в годы Великой Отечественной войны: историко-статистический обзор [Текст] / А.Ю. Безугольный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Том 19. № 2. С. 298-319. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-298-319>

11 Сахаров, А.Н., Жиромская, В.Б. Облик народа к началу Великой Отечественной войны [Текст] / А.Н. Сахаров, В.Б. Жиромская // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М.: Гриф и К, 2010. С. 11-47.

12 Аманжолова, Д.А., Дроздов, К.С., Костырченко, Г.В., Красовицкая, Т.Ю. Советская федерация: от империи к модерности. 1917-1941 гг. [Текст] / Д.А. Аманжолова, К.С. Дроздов, Г.В. Костырченко, Т.Ю. Красовицкая // М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 832 с.

REFERENCES

1 Gallyamova, A.G. Tatarskaya kul'tura v sovetskij period: problemy socio-, formo-, etnogeneza [Tatar culture in the Soviet period: problems of socio-, form-, ethnogenesis]. Social'noe i nacional'noe v sovetskoj kul'ture: k 65-letiyu Dekady tatarskogo iskusstva i literatury v Moskve: sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Kazan', (2022): S.189-198 – (In Rus)

2 Mardanova, F.F. Gosudarstvennyye organy upravleniya kul'turoj v Tatarskoj ASSR v 1920-1930-e gg. [State cultural management bodies in the Tatar ASSR in the 1920s and 1930s.]. Social'noe i nacional'noe v sovetskoj kul'ture: k 65-letiyu Dekady tatarskogo iskusstva i literatury v Moskve: sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Kazan', (2022): s.198-215 – (In Rus)

3 Korzhenevskij, K.B. Nacional'no-territorial'noe razmezhevanie mezhdru Sibir'yu i Kazahstanom v 1917–1936 gg. [The national-territorial division between Siberia and Kazakhstan in 1917-1936.]. Nizhnevartovsk, (2022): 288 s. – (In Rus)

4 Burnasheva, N.I., Ignat'eva, V.B., M.K. Ammosov: iz pleyady nacional'nyh liderov rannesovetskoj epohi [M.K. Ammosov: from the galaxy of national leaders of the early Soviet era]. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. (2020): Tom 19. № 1., S. 63-77. – (In Rus)

5 Almaev, R.Z. Sud'by deyatelej prosveshcheniya Bashkirskoj ASSR v gody bor'by s «burzhuznym nacionalizmom» (1937-1938 gg.) [The fate of the enlightenment figures of the Bashkir ASSR during the struggle against "bourgeois nationalism" (1937-1938)]. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii, (2020): Tom 19. № 1., S. 95-118. – (In Rus)

6 Noyabr'skie istoriko-arhivnye chteniya – 2021 g. [November historical and archival readings - 2021]. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Nacional'naya politika i migracionnyye processy v Sovetskom Soyuze. Perm' (2022): – (In Rus)

7 Morozova, T.I. Konflikt v Buryat-Mongol'skom obkome RKP(b): formal'nye i neformal'nye praktiki bor'by za vlast' (mart – noyabr' 1925 g.) [The conflict in the Buryat-Mongolian Regional Committee of the RCP (b): formal and informal practices of the struggle for power (March – November 1925)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, (2018): № 426. S. 142–153. – (In Rus)

8 Kruglov, V.N. Organizaciya territorii Rossii v 1917-2007 gg.: idei, praktika, rezul'taty. [Organization of the territory of Russia in 1917-2007: ideas, practice, results]. M.-SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, (2020): 480 s. – (In Rus)

9 Kappeler, A. «Rossiya — mnogonacional'naya imperiya»: nekotorye razmyshleniya vosem' let spustya posle publikacii knigi ["Russia is a multinational empire": some reflections eight years after the publication of the book]. M.: Novoe izdatel'stvo, (2010): S. 265-282. – (In Rus)

10 Bezugol'nyj, A.YU. Etnicheskiy aspekt komplektovaniya Krasnoj armii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: istoriko-statisticheskij obzor [The ethnic aspect of the recruitment of the Red Army during the Great Patriotic War: a historical and statistical review]. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii, (2020): Tom 19. № 2., S. 298-319. – (In Rus)

11 Saharov, A.N., ZHiromskaya, V.B. Oblik naroda k nachalu Velikoj Otechestvennoj vojny [The image of the people at the beginning of the Great Patriotic War]. Narod i vojna: ocherki istorii Velikoj Otechestvennoj vojny 1941—1945 gg. M.: Grif i K, (2010): S. 11-47. – (In Rus)

12 Amanzholova, D.A., Drozdov, K.S., Kostyrchenko, G.V., Krasovickaya, T.YU. Sovetskaya federaciya: ot imperii k modernosti. 1917-1941 gg. [The Soviet Federation: from Empire to Modernity. 1917-1941]. M.: Centr gumanitarnyh iniciativ, (2022): 832 s. – (In Rus)

РСФСР ФЕДЕРАЛИЗАЦИЯСЫ – ЗЕРТТЕУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аңдатпа. Қазіргі уақытта ресейлік және шетелдік тарихшылар белсенді зерттеп жатқан проблемалар жиынтығында кеңестік Федеративті модельдің мәні, қалыптасу тарихы және маңызы орталық болып қала береді. 1991 жылдан кейін кеңестік тарихи әдебиеттің әйгілі әсерлі бағажымен қатар, бұл модельді кеңестік этно-ұлттық саясаттың барлық басқа бағыттары тұрғысынан қарастыратын көптеген еңбектер жарық көрді. Мақалада Кеңес Одағының ең ірі және күрделі одақтық Республикасы ретінде кеңестік Ресейдегі Федеративті құрылыс процесінің мазмұны мен мазмұнын нақтылауға қабілетті отандық және шетелдік ғалымдардың ең маңызды жетістіктері талданады. Бұл проблема осы процестің мәдени және Ұлттық аспектілерін ескере отырып қана қоймай, сонымен бірге барлық субъектілердің ортақ мүдделерін көрсететін федералды мемлекеттік институттардың құрылысының ерекшеліктерін анықтау тұрғысынан қарастырылады. Қарастырылып отырған процестің сипатының өзгеруі жаңа Федеративті мемлекеттің қалыптасуының әртүрлі кезеңдерінде, атап айтқанда Ұлы Отан соғысы кезеңінде көрсетілген. Сондай-ақ, осы күрделі процестің дамуындағы жеке факторлардың орны мен маңызы сипатталған.

Кілт сөздер. КСРО, РСФСР, тарихнама, кеңестік этноұлттық саясат, федерализм, ұлт құрылысы.

FEDERALIZATION OF THE RSFSR – ISSUES OF STUDY

Abstract. In the complex of problems that are now being actively studied by Russian and foreign historians, the meaning, history of the formation and significance of the Soviet federative model remain one of the central ones. Along with the well-known impressive baggage of Soviet historical literature on this subject, a very significant number of works were published after 1991, which for the most part consider this model in the context of all other areas of Soviet ethno-national policy. The article analyzes the most significant developments of domestic and foreign scientists who are able to clarify the event series and the content of the process of federal construction in Soviet Russia as the largest and most complex union republic of the Soviet Union.

Key words. The USSR, the RSFSR, historiography, Soviet ethno-national policy, federalism, nation-building.